

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 31

Сборник научных работ
молодых филологов

Редколлегия:

Е. Аксаментова, А. Егоров, А. Козлов, А. Куц, А. Мартыненко,
К. Новашевская, А. Пахомова, А. Самарин, А. Соловьев,
Т. Степанищева, Е. Ящук (литературоведение)

М. Григорьев, Е. Михеева, Л. Муковская,
И. Сисейкина (лингвистика)

Ответственные редакторы:

Т. Степанищева (литературоведение)
М. Григорьев (лингвистика)

Технический редактор:

С. Долгорукова

Авторские права:

Статьи: авторы, 2020

Составление: Отделение славистики

Тартуского университета, 2020

ISSN 2228-4494

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Публикация

Арсений Рогинский. <Черты историко-политической концепции Н. М. Карамзина в середине 1810-х гг.>	13
Иван Кирпичников. К истории понятия «временщик»	31
Алексей Попович. Жертвенная трактовка идеи великого государства в повестях о «собрании русских земель» XV–XVI вв.: оправдание или преодоление?	42
Наталья Демичева. Казанский летописец в контексте древнерусских произведений о присоединении Новгородской земли к Московскому государству	53
Андрей Соловьев. «Россиянин в Париже»: от критики нравов к проблеме национального характера	60
Елена Аксаментова. Образы скульптуры в русской поэзии первой половины XIX в: литературные модели и скульптурные прототипы	72
Олег Ларионов. «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» Н. М. Карамзина в контексте истории идей	87
Карина Новашевская. «Сокол князя Ярослава Тверского» — «русская быль» А. А. Шаховского	96
Алёна Куц. Марина Мнишек в романе Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец»	111
Екатерина Ящук. Зачем была написана комедия Загоскина «Недовольные»?	121
Анастасия Логинова. О лирическом цикле В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1838)	133
Алексей Козлов. Описания войны 1812 года Д. И. Ахшарумова: к вопросу об эволюции концепции и жанра	144

Андрей Люстров. «Тарас Бульба, или Измена и смерть за прекрасную панну»: повесть Н. В. Гоголя как текст для народных чтений	159
Сергей Халтурин. Возникновение русского театра: историография и мифология в эпоху Александра II	166
Михаил Иткин. Мертвая девочка, Диккенс и готика: о каноничности «В дурном обществе» В. Г. Короленко	174
Аполлинария Острожкова. «Весенняя гроза» Ф. И. Тютчева: канонизация в поэзии русского модернизма	183
Даниил Игнатьев. «Некрасов наоборот»: К вопросу об интертекстах у Федора Сологуба	192
Александра Пахомова. Поэтика и риторика «революционных» стихов Михаила Кузмина	204
Анна Мухина. А. П. Чехов в творческом сознании Б. Л. Пастернака	220
Екатерина Тарасова. «Американские очки» как ключ к рассказу Е. Замятина «Десятиминутная драма»	228
Данила Люкшин. Сергей Ромов, Жан Матерьяль и советская рецепция сюрреализма	237
Ксения Филимонова. В. Шаламов в литературных журналах конца 1950-х – начала 1960-х гг.	245
Юлия Коновалова. «Петербург лежал на ладонях департамента полиции. Россия в них не умещалась»: политика и пространство в романе Ю. В. Давыдова «Глухая пора листопада»	253
Татьяна Красильникова. «Кому из вас в три года была знакома буква “Ю”?»: о загадке поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки»	262
Елена Ступакова. «В насмешку и в кавычках, до чертиков, до слез»: идеология советской песни в поэзии Тимура Кибирова 1980-х гг.	273

Ксения Морозова. Виктор Гюго в художественном мире романа-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»	282
Анна Герасимова. Некоторые наблюдения над современным кругом чтения на примере ресурса LiveLib	292

Лингвистика

Екатерина Батракова. Вставная конструкция как отражение языковой рефлексии	309
Лариса Василенкова. Функционирование италянизмов в пространстве травелога	315
Максим Григорьев. К проблеме определения семантических компонентов глаголов приобретения в русском и эстонском языках	328
Алессандра Деци. Функции иноязычных вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Италии и Эстонии: сопоставительный аспект	336
Клаудиа Замковец. Метакоммуникация в русской интерферированной спонтанной речи носителей разных языков	352
Полина Крыжевич. «Игра со словом» в романе Т. Толстой «Кысь» и особенности ее передачи в английском переводе	359
Елена Михеева. Лингвокреативные составляющие современных русскоязычных медиатекстов метрополии (на примере заголовков и рекламных слоганов)	364
Лариса Муковская. Случаи «спорного» множественного числа существительных в русской речи	371
Надежда Оскарева. Как изменился язык современной новостной заметки (на материале концовок новостей Telegram-канала Mash)	379

Елена Петренко. Этнические стереотипы украинца, белоруса и русского в словарях XIX – первой половины XX вв.	386
Майя Реутова, Екатерина Башкова. Концепт-топоним <i>Кавказ</i> по результатам ассоциативного эксперимента	394
Ирина Сисейкина. О некоторых особенностях перевода в ряде русскоязычных СМИ	406
Ксения Тихонова. Слова-сопроводители и их описание во фразеологическом словаре	426

К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ «ВРЕМЕНЩИК»

Иван Кирпичников
(Москва)

В 1901 г. на страницах воронежского журнала «Филологические записки» появилась небольшая статья А. Г. Суровцева «Кто придумал слово “временщик”?» [Суровцев]. Поводом для ее написания стало недоразумение, которое автор обнаружил во многих учебниках словесности: там утверждалось, что слово «временщик» было изобретено А. С. Пушкиным. Суровцев справедливо указал, что оно вошло в речь задолго до рождения великого поэта, поскольку встречается уже в сатирах А. Д. Кантемира (1708–1744). «Употребление Кантемиром этого слова станет понятным, если обратим внимание на время, в которое он жил. Не он ли первый и ввел слово “временщик” в русский язык?» — спрашивал в конце статьи Суровцев, оставляя решение этого вопроса будущим исследователям [Там же].

Сегодня «история понятий» — самостоятельное и весьма перспективное направление научного поиска. Одной из важных задач данного подхода является, по удачному выражению А. В. Жуковской, критика «семантических анахронизмов» [Жуковская]. Речь идет о словах, которые почерпнуты историками из лексики изучаемых эпох. Их использование создает иллюзию аутентичности, однако исходная семантика остается при этом непроясненной.

«Временщик» относится к категории подобных малоизученных «семантических анахронизмов», которые были некритически заимствованы из «языка источников» в «язык историков». Слово прочно ассоциируется с явлениями XVIII столетия (о чем свидетельствуют, в частности, предположение Суровцева), однако история его предшественника — «верременника» — в действительности началась значительно раньше. Материал, на котором основана статья — несколько десятков случаев словоупотребления, найденных нами в источниках XV–XVII веков¹. Цель настоящей

¹ Несколько примеров использования слова в текстах допетровского периода можно найти в новейших словарях [СлРЯ XI–XVII: 107;

работы — изучить бытование слова «веременик» в контексте допетровской эпохи. Обращение к этому сюжету затрагивает широкий круг проблем — от использования иностранных источников при реконструкции социальной терминологии до особенностей политической культуры Московского государства.

Наиболее раннее из известных нам словоупотреблений встречается в переводе грамоты 1493 г., направленной Ивану IV крымской царицей Нур-Салтан. Имея в виду окружение казанского хана, она сообщала, что у него «уланы и князи добрые *веремьяники* <здесь и далее курсив наш. — *И. К.*>» [РИО 1884: 194]. В посольской документации XVI века «веременики» неоднократно появляются при описании верхушки кочевых сообществ. Они фигурируют, во-первых, в переводных грамотах — в ряду других статусных наименований (уланы, князья). Выдвинем предположение, что существовало исходное татарское слово, которое переводилось таким образом². Возможно, это было тюркское «ички» (от *iç* — ‘внутренний, приближенный’), использовавшееся для обозначения придворных [Мукминова] и иногда проскальзывающее в подобных чиновных перечнях (ср.: [РИО 1884: 20, 33, 387, 393; РЛ: 82]). Во-вторых, «веременики» появлялись в отчетах послов — при характеристике окружения местных правителей [ПК: 247, 274–275; РИО 1895: 284, 357]. Несомненно, что в «посольских» контекстах мы имеем дело с вполне нейтральной «социально-политической» категорией.

Итак, интересующее нас слово уже с конца XV в. использовалось для обозначения представителей правящего слоя кочевых соседей Московской Руси. Безусловно, большой интерес представляет его употребление применительно к «внутриполитическим» реалиям. Первый из известных нам таких случаев — речь книгописца Михаила Медоварцева в ходе суда над Максимом

СлРЯ XVIII: 130–131; СОРЯМР: 97–98]; отдельные случаи кратко прокомментированы в работах: [Madariaga: 27; Кром 2010: 615; Шмидт: 55, 82–83].

² Особенно это заметно в грамотах 1572 г.: «веремениками» именуется как приближенные хана, так и представители московской элиты [Буганов: 181–182]. Лиц, обозначенных в одном месте как «веременики», в других переводах могли назвать «слугами» или «ближними людьми» (ср.: [ПК: 182, 253]).

Греком (1531 г.): «А блюлся есми... преслушать князь Васьяна Старца <Патрикеева. — *И. К.*>, потому что он был *великой временной человек*, у великого князя *ближней*» [ЧОИДР: 11]. Существенный материал для наблюдений за функционированием термина в таком качестве дает следующее столетие.

Стремясь скомпрометировать своих оппонентов и нажиться за их счет, русские сторонники польского короля создали в 1610–1611 гг. целую серию текстов, которые существенно расширяют наши знания о неформальных властных отношениях эпохи Василия Шуйского. Для характеристики его приверженцев использовался примечательный набор слов, связанных с причастностью к власти — «ушник», «шептун», «довотчик», «похлебец», «угодник», «верник». Первое упоминание «веременика» находим в сочетании с одним из таких определений: в челобитной дворян Ржевских говорится об отдаче земли «*верьямяннику* и шептуну Шуйсково Ивану Измайлову» [АСПБИИ]. Второй раз слово встречается в письме боярина Михаила Салтыкова канцлеру Сапеге: «И после его <Бориса Годунова. — *И. К.*>, при Шуйском, за неправду, за такие ж *веременики* за Измайловы, да за такого ж мужика, что за Федора <Андропова. — *И. К.*>, за Михалка Смывалова посямест льется кровь. А ныне, по таким *думцам и правителем*, не быть к Москве ни одному городу» [АИ: 361].

Примечательно, что в обоих случаях в качестве порицаемых «веремеников» фигурируют Измайловы — представители рязанского рода, стремительно возвысившегося при Шуйском. В другом источнике имя Ивана Измайлова сопровождается особой пометой: «Был у Шуйского у чародеев и кореньщиков. *Ближе ево и не было*» [Тюменцев: 318]. Таким образом, в челобитной Ржевских обозначено ближайшее к правителю лицо, а в письме Салтыкова под «веремениками» подразумеваются все выходцы из этого клана, или, шире, — реальные «правители» Московского государства, недостаточно родовитые с точки зрения знатных бояр.

При описании событий Смуты слово единожды встречается также в тексте летописного характера: «Пискаревский летописец» сообщает, что Шуйский «казнил <...> *веременика и ближнего своего человека* Ивана Федорова сына Колычева за его многие изменные слова» [ПСРЛ: 216]. В отличие от предыдущих авторов, создатель «Пискаревского летописца» относился к Шуй-

скому нейтрально, и это была скорее констатация статуса боярина, чем оценочное определение.

Во всех рассмотренных случаях ключевым коррелятом «временника» оказывается факт принадлежности к «ближнему» кругу великого князя (царя). Однако слово использовалось и безотносительно к фигуре правителя. Так, в царских вопросах к Стоглавому собору говорится о «временниках», которые «причли к соборам своих попов и диаконов». М. М. Кром справедливо сопоставил данный фрагмент с высказыванием Ивана IV на соборе: «И тако бояре наши *улучиша себе время* — сами владеша всем царством *самовластно...*» [Кром 2010: 615]. «Временниками» здесь выступают боярские правители периода малолетства государя, действовавшие независимо от его воли. В памятниках иного жанра — грамотках XVII в. — слово возникает и в совершенно «локальных» ситуациях. Монастырский дьячок в 1620-е гг. называл так своих соперников — советников старца, которые пытались поколебать его влияние на местные дела («нынешние *временники*, — утверждал он, — *не вековые*») [Новомбергский: 85]. В этих контекстах на первый план выходит не близость к правителю, а причастность к власти, влияние. Слово сближается с другой важной категорией из лексикона жителей Московии — «сильные люди»³ — и легко обретает негативные коннотации.

Наряду со словом «в(е)ременник» и словосочетанием «временной человек» употреблялось синонимичное выражение «быть во времени» (ср. одно из значений современного «быть во власти»), сохранившееся в народных говорах [СРНГ: 192]. Пример его использования в интересующий нас период — фрагмент Пискаревского летописца, посвященный деятельности Адашева: «А как он был *во времени*, и в те поры Руская земля была в вели-

³ См. челобитную 1648 г., в которой эти слова совместно используются по отношению к Милославским и близким к ним лицам: «...и мы холопы твои от таких *временников* и *сильных людей* и без того разорены...» [Зерцалов: 26]. См. также в сходных контекстах: [ПРНРЯ: 59–60; Сильвестр: 78; Симони: 123]. Такое же разделение может быть предложено и для использования слова в отчетах московских послов. Ср.: «временник» как конкретный «ближний человек», который не слушает даже «царицы» [РИО 1895: 357], и как абстрактный «сильный человек», противопоставленный малозначительному «страднику» [Там же: 284].

кой тишине» [ПСРЛ: 181] (ср. о Лжедмитрии I и Басманове [Белокуров: 201], а также выше: бояре «улучиша себе *время*»). Такие формулировки можно встретить и в челобитных рядовых служилых людей: один из рязанских дворян указывал, что его оппонент был «при государе <...> Иване Васильевиче *во времени*» и поэтому смог завладеть чужой вотчиной⁴.

Несмотря на то, что «временники» относительно редко встречаются в памятниках русской письменности, можно утверждать, что в повседневной речи слово было значительно более употребительным — об этом свидетельствуют иностранные источники. Во-первых, оно попало в словарь Марка Ридли 1599 г. [СОЛЯМР: 98]. Во-вторых, голландское донесение 1624 г. обозначает таким образом уже знакомого нам М. Смывалова: «...в Москве его называют *vremenich*, то есть безвременным, так называют почти всех, кто достиг высокого положения»⁵. Обратим внимание на вторую часть фразы, где акцентируется распространенность этого наименования, его применимость ко всем возвысившимся.

Наконец, важным указанием на то, что интересующий нас термин активно использовался и в последние десятилетия XVII в., является свидетельство французского дипломата Ф. Де ла Невилля, автора известных «Записок о Московии». Слово “*wreminick*” встречается в его сочинении трижды — применительно к князьям Ю. А. Долгорукову и В. В. Голицыну (два раза)⁶. Во всех трех

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. Ед. хр. 175/41408. Л. 24.

⁵ “...en Wort in Mosco *vremenich* genaempt dat is gesegt *tydeloos*, gelyckse meest all noemen die in seer groote state zyn” [Бушкович: 367]. В русском переводе форма «модернизирована» до «временщика» [Там же: 377]. Проблема возникает также со словом “*tydeloos*” — оно передано П. Бушковичем как «временный», однако в действительности имеет значение «безвременный» (ср. нем. *zeitlos*). Автор благодарит А. Ю. Белькинд за консультацию.

⁶ 1) “...le grand chancelier *Wreminick* Dolgorouka fut assassiné, son fils fut tué...”; 2) “...Basile Basilewich fut honore de la charge le grand chancelier et de cette alle de *Wreminick* ou de *Ministre d’Estat temporel* c’est a dire d’administrateur de (toutes les affaires de) l’Empire pendant un certain temps prescript...”; 3) “En un mot toutes les chambers, autrefois tenues par des boyars senateurs tous gens capable de contrecarrer *L’Wreminick* ou le *premier minister temporal*, comme ils dissent furent alors remplies de gens de neant par ce prince qui possede

случаях Де ла Невилль приводит его в качестве титула или должности, синонимичных «временному первому министру» (le premier ministre temporal). В этих определениях ясно акцентирована «временность», но совершенно не схвачен неформальный характер данной позиции — напротив, она представлена как регулярный государственный пост [Madariaga: 27]. Поскольку в иных контекстах французский дипломат активно пользовался и словом «фаворит», речь идет именно о неверном понимании смыслового наполнения термина «временник». Не звучал ли он в кругу информантов Де ла Невилля настолько часто, чтобы принять его за официальную должность?

Автор «Записок о Московии» не знал русского языка, и тем более важно, что слово передано как “wreminick”, т. е. соответствует именно «в(е)ременнику», а не «временщику». Вторая форма, по нашему мнению, является более поздней, переход к ней мог произойти на рубеже XVII–XVIII веков⁷. Если участники политической борьбы последней четверти XVII века говорили о «временниках» [Казаков: 100; Сильвестр: 78], то в начале следующего столетия минувшую эпоху описывали уже при помощи формы «временщик». Так, А. А. Матвеев рассказывает об интригах «злокозненных <...> фаворитов или временщиков» Софьи [Матвеев 1997: 366–367].

cette grande charge et qui se fait un plaisir d’avoir des creatures et non pas des collegues...”. Русский перевод непосредственно передает “Wreminick” то как «временник», то как «временщик» (см.: [Де ла Невилль: 70, 72–73, 134–135, 137].

⁷ Переход к «временщику» соответствовал «общей исторической тенденции русского языка к некоторому вытеснению суффикса *-ник* суффиксом *-щик* <...> в словах со значением действующего лица» [Виноградов: 645]. Единственным известным нам указанием на возможность существования такой формы в допетровскую эпоху является «временник» в словаре Ридли [СОРЯМР: 98]. Сборник пословиц, в котором наблюдается чередование (см. далее в тексте), датируется рубежом XVII–XVIII веков [Симони: 64–68, 90, 123, 212]. Мы исходим из того, что изменение морфологического состава слова не стало непосредственной причиной перемен в семантике. Проблема бытования «временщика» остается за пределами настоящей статьи и заслуживает отдельного исследования.

В сочинениях Матвеева «временщик» неоднократно [Матвеев 1972: 96, 99] фигурирует в качестве внутритекстовой глоссы — русского эквивалента неосвоенного заимствования (см. об этом типичном для петровской эпохи явлении: [Живов: 14–15]). Аналогия с «фаворитом», безусловно, напрашивалась: именно такой перевод был предложен для интересующего нас слова еще в словаре Ридли (наряду с примечательным “temporizer”), а в 1628 г. русский переводчик на страницах «Вестей-Курантов» назвал «временником» герцога Бекингема [ВК: 115].

Итак, в политическом языке Московии именно «временник» более всего соответствовал семантической нише европейского «фаворита». Потребность в таком термине, несомненно, была: как и в других монархиях раннего Нового времени, из круга «ближних людей» государя регулярно выделялись лица, пользовавшиеся его особым расположением [Кошелева]. Однако в силу особенностей, проистекающих из семантики слова, — этот тезис мы будем отстаивать далее — «временник» так и не состоялся в полной мере в качестве «фаворита по-московски».

Одно из таких смысловых несовпадений уже отмечено выше: в отличие от европейского аналога, в котором однозначно акцентирован «фавор» монарха (неактуальный, например, для бояр эпохи малолетства Ивана IV), в случае «временника» на первый план выходит сама причастность к власти, влияние. Слово сохраняло это широкое значение, соответствовавшее скорее абстрактному «земному» «сильному человеку», чем конкретному «первому министру».

Не менее важно и другое: в русском слове постулирована *временность* пребывания во власти [Биркин: 308; Татищев: 297]. Этот исходный корень, как показывают многие из вышеприведенных цитат, вовсе не был забыт⁸. Еще более выразительно он звучит в пословицах, записанных на рубеже XVII–XVIII веков: «*временщики* родом велики, да не долговеки» [Симони: 90]; «всякой *временник* с корени широко зачнется, да скоро изведетца» [Там же: 212].

⁸ Неслучайным может оказаться и использование слова применительно к ханским приближенным, век которых, как известно, был короток — впрочем, дальнейшее развитие этой логики увело бы нас в область произвольных рассуждений.

Семантика «времени» в древнерусском языке неразрывно связана с противопоставлением «вечности». В этом ключе, по убедительному заключению исследователей летописания, должен трактоваться омоним интересующего нас слова — как повествование о преходящей земной жизни [Прохоров: 109–110; СлРЯ XI–XVII: 107–108]. Л. А. Черная обоснованно предположила, что именно такое понимание «временности» — «негативного качества» преходящего и суетного бытия — и породило интересующий нас термин [Черная: 518]. Ярким подтверждением этому может служить фраза из сочинения Ермолая-Еразма, где «временствование» приведено в списке откровенно греховных деяний: «Аще кто совершает любы, сий в чужем прибытка не желает <...>, *не временствует*, не гордится, не тщеславится...» [Клибанов: 325; СлРЯ XI–XVII: 108]⁹.

Не этим ли «трудноустранимым элементом религиозной оценки» [Живов: 15], имплицитно предполагающим греховность (а значит, потенциальную нелегитимность), объясняется контраст между редким появлением «веремеников» в памятниках русского происхождения и широким (по-видимому) бытованием слова в повседневной речи? Источниковая ситуация такова, что преобладающая часть материалов политической истории XVI и XVII веков происходит из государственных канцелярий. Между тем, «веременики» куда чаще появляются в текстах иного рода — челобитных, грамотках или судебных речах. Ни в одном из рассмотренных случаев слово не применяется к социальной среде, с которой создатель текста хотел бы себя ассоциировать: оно используется для описания другого общества, иного общественного круга (от представителей которого может зависеть благополучие автора) или минувших настроений. «Веременики» возникают в тех редких ситуациях, когда исследователь получает возможность заглянуть за иллюзорно незыблемый «самодержавный фасад» Московии и проникнуть в мир неформальных властных отношений.

Учитывая очерченный круг смыслов и оттенков, не приходится удивляться, что «веременик» не вписывался в образ гармони-

⁹ Ср. также использование Аввакумом слова в форме женского рода («веременицы») — для обозначения временных любовниц Никола [Аввакум: 236].

ческого богоустановленного политического порядка, столь характерный для официального дискурса Московской Руси. В последующие столетия «временщик» был потеснен «фаворитом», но не исчез окончательно из политического лексикона. Коннотации продолжали определять судьбу слова: оно легко находило себе место в стихотворениях молодых вольнодумцев (самое известное из которых — «К временщику» К. Ф. Рыльева), но не в риторике властей предрежущих.

В заключение наметим перспективу дальнейших исследований. Специального рассмотрения заслуживает все семантическое поле, связанное с близостью к правителю в разные эпохи (о методике подобного анализа см.: [Кром 2013]). Внимание необходимо уделить как «верникам» и «угодникам» великих князей и царей¹⁰, так и «случайным» и «припадочным» людям императоров и императриц [Виноградов: 564–565]. Такая постановка вопроса позволила бы пролить новый свет на феномен «фаворитизма» (границы использования этого термина еще только предстоит проблематизировать), который по-прежнему остается недостаточно изученным на российском материале.

ЛИТЕРАТУРА

- Аввакум: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1934.
- АИ: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2.
- АСПБII: АСПБII. Колл. 124. Оп. 1. Д. 520.
- Белокуров: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: 7113–7121 гг. М., 1907.

¹⁰ В допетровскую эпоху, как представляется, так и не появилось устойчивого наименования для особо близких к государю лиц, влиявших на ключевые политические решения — и тем более какой-либо преемственной полуофициальной позиции, подобной положению испанского валидо (см. об этом феномене: [Malcolm]). Состав «ближней думы» и объем реальной власти «комнатных людей» остаются предметом дискуссии среди историков. Большой интерес в данном контексте представляют также случаи, оформлявшиеся нетипичной для Московии титулатурой *ad hoc* (Б. Ф. Годунов, А. Л. Ордин-Нащокин и др.).

- Буганов: *Буганов В. И.* Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 166–183.
- Бушкович: *Бушкович П.* Шведские источники о России 1624–1626 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 359–382.
- ВК: Вести-Куранты: 1600–1639 гг. М., 1972.
- Де ла Невиль: *Де ла Невиль.* Записки о Московии. М., 1996.
- Зерцалов: *Зерцалов А. Н.* Новые данные о земском соборе 1648–1649 гг. М., 1887.
- Казаков: Шведские донесения о московском стрелецком восстании 1682 г. / Пер., вступ. ст. и коммент. Г. М. Казакова // *Valla*. № 4 (1–2). 2018. С. 93–102.
- Матвеев 1972: Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева). Л., 1972.
- Новомбергский: *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы. М., 1911. Т. 1.
- ПК: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.
- ПРНРЯ: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965.
- ПСРЛ: Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34.
- РИО 1884, 1895: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41; СПб., 1895. Т. 95.
- РЛ: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1791. Ч. 7.
- Сильвестр: *Сильвестр (С. А. Медведев).* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. М., 1990. С. 45–200.
- Симони: *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVI–XVIII ст. ст. СПб. 1899.
- СлРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2.
- СлРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4.
- СОРЯМР: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2010. Вып. 3.
- Татищев: *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. М., 1793. Ч. 1.
- Тюменцев: *Тюменцев И. О.* Список сторонников царя Василия Шуйского // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 317–320.
- ЧОИДР: Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1847. Т. 7.
- Биркин: *Биркин К. (Каратыгин П. П.).* Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. М., 2014.
- Виноградов: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999.

- Живов: *Живов В. М.* История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М., 2009. С. 5–26.
- Жуковская: *Жуковская А. В.* Служить бы рад, работать тошно: к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из «картотеки мотивов») // Памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 94–108.
- Клибанов: *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.
- Кром 2010: *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.
- Кром 2013: *Кром М. М.* Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 94–125.
- Кошелева: *Кошелева О. Е.* «В близости крайней», или Фавориты при первых Романовых // Кому благоволит Фортуна? Счастливы и неудачники при дворе в Средние века и Новое время. М., 2015. С. 178–187.
- Матвеев 1997: *Матвеев А. А.* Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи. М., 1997.
- Мукминова: *Мукминова Р. Г.* К изучению среднеазиатских терминов тагджа, сукнийат, ички // Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970. С. 127–134.
- Прохоров: *Прохоров Г. М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...». Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 5.
- Суровцев: *Суровцев А.* Кто придумал слово «временщик»? // Филологические записки. 1901. Вып. VI. Отд. VII. С. 1–6 (7-я паг.).
- Черная: *Черная Л. А.* Восприятие пространства и времени в русской культуре XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 517–528.
- Шмидт: *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 50–84.
- Madariaga: *Madariaga I.* Who was Foy de la Neuville? // Cahiers du monde russe et soviétique, 1987. Vol. 28. No. 1. P. 21–30.
- Malcolm: *Malcolm A.* Royal Favouritism and the Governing Elite of the Spanish Monarchy, 1640–1665. Oxford, 2017.